

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЙ РАКУРС

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «МНОГОЭТНИЧНЫЙ ГОРОД. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ»

ВЛАДИМИР МУКОМЕЛЬ

Книга известных авторов побуждает переосмыслить принципы и практики национальной политики на местах. Авторы аргументируют необходимость переориентации национальной политики на уровень агломераций и крупнейших городов, где вызовы культурного разнообразия размывают городскую идентичность, перенос акцента с выявления степени конфликтности межнациональных отношений на поиск сложившихся механизмов предупреждения конфликтов. На примере трех крупнейших российских городов показано, что различия между ними могут затмевать их сходство. Социальная жизнь, организация социального пространства, структуры ценностей в каждом из них столь специфичны, что не могут игнорироваться при проведении любой из политик (национальной, конфессиональной, миграционной, управления культурным разнообразием).

Ключевые слова: национальная политика, гражданская нация, гражданская культура, культурное разнообразие, управление культурным разнообразием, идентичность.

Когда берешь в руки книгу маститых авторов, посвященную горячей теме, испытываешь некоторые сомнения – окажутся ли авторы на высоте? Не будет ли ощущения неловкости за несбывшиеся ожидания?

Авторы настоящей книги [Вендина, Паин 2018] не нуждаются в представлении. Ольга Вендина – известный и авторитетный специалист в области социальной и экономической географии, расселения в городах. Эмиль Паин – признанный специалист в сфере межнациональных отношений и этнополитики. (Любопытствующим, и тем, кому эти фамилии мало о чем говорят, дана возможность ознакомиться с регалиями авторов на обложке книги). Забегая вперед, уведомляю: авторам удалось – в очередной раз, – взять высоко поднятую планку.

Важно учесть, что книга – своеобразное подведение итогов исследовательского проекта, поддержанного Российским научным фондом, и это накладывает отпечаток как на форму подачи материала, так и на проработку отдельных сюжетов. При этом авторы, оговариваясь, что исследование еще полностью не завершено, формулируют амбициозную цель исследования как «совершенствование методологических основ национальной политики за счет расширения ее предметного поля: (а) включения городов и городских агломераций; (б) углубления понимания причин и механизмов возникновения и, что особенно важно, невозникновения этнополитических конфликтов; (в) осмысления связи национальной политики как с системой государственного и муниципального управления, так и с гражданской самоорганизацией жителей крупнейших городов» [5].

Владимир Изявич Мукомель (mukomel@isras.ru), Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия.

Рецензия поступила в редакцию в сентябре 2018 г.

Насколько оказался продуктивен симбиоз двух столь различных авторов – имея в виду их сферы интересов, подходы и методологии исследований? Вероятно, авторы неспроста делают оговорку, что книга написана в жанре монографического сочинения двух авторов, каждый из которых сконцентрировался на одной из тем общего исследовательского проекта: «При этом Эмиль Паин сосредоточился на проблеме соотношения новой научной парадигмы «управление культурным разнообразием» (УКР) с традиционной для постсоветской России парадигмой «национальная политика», а также на теоретическом анализе роли города в развитии гражданской нации, тогда как Ольга Вендина — на обобщении эмпирических исследований в Перми, Уфе и Ростове-на-Дону, анализе практического опыта УКР в российских городах как политики локальной самоорганизации» [7].

Следует признать: различия в двух разделах книги прослеживаются. Но я бы воздержался от упреков и от бросков камешков на авторскую поляну. Авторы стояли перед сложной дилеммой: больше внимания и времени уделить редактированию, нивелированию стилистических различий в подаче материала, либо оперативно донести до читателя выводы своего исследования. Они сделали выбор, очень логичный и верный, на мой взгляд, выпустив книгу в разгар обсуждения и жарких дискуссий по корректировке Стратегии государственной национальной политики.

Но, по порядку: дьявол, как известно, скрывается в деталях. О чем книга, что в ней нового? Что привлекло внимание? С чем можно поспорить?

В начале своего раздела Управление культурным разнообразием и национальная политика Э. Паин формулирует основные претензии к современной российской национальной политике, плохо, по его мнению, приспособленной к решению городских этнополитических проблем в силу инерционности (ориентации на решение проблем взаимодействия этно-национальных регионов и центра и уже поэтому безразличной к проблемам городов), на этноцентричности (зацикленности на решение проблем межэтнических отношений) и преимущественно командном стиле управления.

Подраздел *Культурное разнообразие и универсальное развитие* посвящен соотношению разнообразия и универсального развития в контексте концепций модернизации. Краткий очерк эволюции теории модернизации, ее движения к новым более гибким версиям, признан обосновать выбор теории множественных современностей (multiple modernities) Ш. Эйзенштадта в качестве теоретического фундамента исследования.

Э. Паин сосредоточивается на концепции «национального единства», развиваемой в 2000-х гг. Фрэнсисом Фукуямой, подчеркивающим важную роль национального государства и национально-гражданской идентичности в современном мире, а также на взглядах известного специалиста по экономике развивающихся обществ Пола Коллиера, который видит главную проблему современных африканских стран в неспособности их элит создать единую национально-гражданскую культуру и идентичность, «перекрывающую» этнические или племенные идентификации.

Акцент на идентичности(ях) и ее (их) роли в имплементации национальной политики прослеживается на протяжении всей книги. Во-первых, оттого что задачи эффективного городского управления (и самоуправления) не могут быть решены без поддержания сравнительно однородной идентичности [5]. Во-вторых, личность рассматривается как носитель множества различных и сравнительно быстро сменяемых идентичностей, индивид самостоятельно определяет себя в социальном и культурном пространстве не только через этническую принадлежность, но и через язык, профессию, класс, политические взгляды, гражданские роли и пр. [13]. Множественность идентичностей, их изменчивость, самоидентификация – важнейшие характеристики такого подхода. Из него логично вытекает тезис, что национальная политика не равнозначна политике гармонизации межнациональных отношений, необходимо расширение ее предметного поля за счет подключения взаимосвязанных «отраслевых» политик – конфессиональной, миграционной, культурной, языковой, образовательной и др.

Идентичность – пожалуй самый употребляемый термин, встречающийся в книге почти сотню раз. Для сравнения: важнейший термин «Укрепление культурного разнообразия» встречается впятеро реже. Признавая важность идентичностей для описания объекта управления, авторы закрепляют идентичность как ключевую характеристику дефиниции УКР: «управление культурным разнообразием (УКР) является функцией публичной власти (public administration), имеющей целью координацию социокультурных отношений, а также практическую разработку мер по обеспечению мирного, взаимоприемлемого общежития и взаимодействия людей с разной культурной (этнической, религиозной, расовой и др.) идентичностью в границах единого политического пространства (государства, региона, города)» [15].

Исключительно важным для первого раздела видится подраздел *Культурное разнообразие и национальное единство*. Рассматривая, казалось бы, не относящиеся напрямую к теме теоретические концепты «гражданское общество», «национальное единство», «гражданская культура», Э. Паин формулирует, следуя за Э. Геллнером, ключевой для дальнейшего анализа тезис: «город – естественная среда развития гражданского общества, гражданской нации и гражданской культуры».

И это понятно: социальная среда развития гражданского общества зависит от относительно развитой рыночной экономики, активного информационного пространства, плотного социального полотна, высококвалифицированного населения. Отсюда логично утверждение, что «эти факторы сосредоточены в городах, и прежде всего крупнейших». [29]. Этим и объясняется столь пространное (и очевидно выстраданное) внимание авторов¹ к теоретическим подходам при изучении гражданского общества.

В подразделе *Эволюция политики культурного разнообразия* последовательно анализируются конкретные политики управления культурным разнообразием: концепция плавильного котла, мультикультурализм (как политический проект) и его эволюция,

¹ Несмотря на то, что две части книги написаны разными авторами, методология, принципиальные исследовательские подходы едины. В тех случаях, когда, по моему разумению, та или иная точка зрения разделяется обоими авторами, я буду ссылаться на них в множественном числе.

концепции в сфере УКР. Э. Паин солидаризуется с позицией академических ученых, а также «политиков уважаемых направлений», которые не оспаривали идеи защиты культурного разнообразия, а выступали против побочных политических следствий мультикультурализма, прежде всего коммунитаризма — государственной политики, которая де-факто поощряет параллельное существование этнических или конфессиональных обществ и усиливает замкнутость культурных групп.

Автор склоняется к версии УКР, базирующейся на идеологии интеркультурализма — общественной интеграции, межкультурного взаимодействия, развития горизонтальных связей и гражданской активности, полагая, что все они чрезвычайно важны для совершенствования российских подходов к регулированию межэтнических отношений.

Подраздел *Управление культурным разнообразием в Стратегии государственной национальной политики РФ* — не столько дань спору с этим документом (хотя Э. Паин никогда не скрывал критического отношения к нему), сколько обоснование предлагаемых новаций национальной политики, как они видятся автору.

Солидаризируясь с задачей развития общегражданского самосознания, поставленной в Стратегии, Э. Паин категорически против сведения ее к социальному конструированию «сверху»: «для утверждения общегражданской идентичности и гражданской активности необходимо не только включение этой тематики в образование и трансляцию системой массовых коммуникаций, но и содействие со стороны государства и муниципалитетов реальным практикам общественной саморегуляции» [41]. Это во-первых. Во-вторых, провозглашается, что «развитие гражданского сознания как цель, поставленная в Стратегии, совершенно не связано в этом документе с городами, являющимися основной средой формирования гражданских институтов и гражданской культуры». [41].

Но ключевая задача данного подраздела, как я понимаю, показать, во-первых, российскую специфику, во-вторых — особую роль неформальных норм и межгрупповых социальных отношений. Российская специфика, по мнению Э. Паина, проявляется не только в ином, чем в унитарных странах, сочетании проблем интеграции мигрантов и гармонизации отношений между автохтонными народами Российской Федерации. Не только в традиционно особой роли российского государства в политической системе России. Еще важнее то обстоятельство, что в многонациональных государствах становление политической нации может отличаться от того, как оно происходило в сравнительно однородных в этнокультурном отношении государствах Европы.

При анализе первого раздела книги может создаться впечатление, что Э. Паин оседлал своего любимого конька — изучение нациестроительства (область, в которой он является признанным авторитетом) — и этот конек свернул с пути, обозначенного авторами в предисловии. Однако это не совсем так, и даже совсем не так: ему важно показать, что для России, как и других многонациональных («составных» по терминологии автора) государств возможна иная траектория развития политической нации, чем та, которая чаще всего наблюдалась в истории сравнительно однородных в этнокультурном отношении государств Европы: «В составных же государствах неизбежна селективная, очаговая и поэтапная последовательность развития наций. В этом случае в рамках формируемой политической нации долго будут сохраняться не только разнообразные этнические и

религиозные идентичности, но и разный уровень развития гражданской культуры, а также неодинаковый уровень сохранности и влияния традиционных отношений» [38-39].

Логичен следующий шаг – убедить читателя в необходимости перенесения акцента исследований и политики на уровень города как средоточия культурного разнообразия, так как именно в городе вызовы разнообразия размывают городскую идентичность, способствуют снижению доверия между разными группами населения и ослабления городской солидарности (подраздел *Город как субъект управления культурным разнообразием*).

Исходя из посылки, что в разных культурах степень внутригрупповой сплоченности неодинакова и складываются разные практики согласования интересов («исторически сложившиеся механизмы саморегуляции», «прагматическая толерантность»), автор обосновывает выбор объектов исследования: Уфы, Ростова-на-Дону и Перми.

Здесь же вкратце анализируются отдельные итоги исследования, выделяются типичные подходы («политики») к управлению культурным разнообразием в центрах агломераций: косвенного ограничения культурного разнообразия за счет селективного подхода к миграционным потокам; форсирования культурного разнообразия на локальном уровне с целью недопущения формирования в городах замкнутых моноэтнических или моноконфессиональных кварталов приезжего населения; ограничения культурной неопределенности за счет мер по ориентированию мигрантов относительно культурного своеобразия города, базовых культурных ценностей его жителей, их представлений об «общем благе» [46].

Отдавая должное этому анализу, позволю себе заметить, что эта часть раздела, как и завершающий его подраздел *Предложения по корректировке методологии национальной политики*, кажутся здесь не вполне органичными: насколько уместно их присутствие в данном разделе, а не в завершающей части книги – в конце второго раздела, где формулируются «десять заповедей управления культурным разнообразием города», или, может быть, в послесловии?

Второй раздел *Этнокультурное разнообразие и обыденный опыт регулирования межэтнических взаимодействий* (на примере городов Пермь, Ростов-на-Дону и Уфа) посвящен процессам самоорганизации городского населения, позволяющим справляться с вызовами этнокультурного разнообразия, практикам сосуществования групп, межгрупповым контактам и восприятию друг друга. Ключевой вопрос для автора: каковы механизмы, позволяющие избегать насилия и обеспечивать бесконфликтное сосуществование групп, разделяющих разные системы ценностей и идентичности?

Изменение оптики анализа межэтнических отношений в городах, перенос главного акцента с выявления степени их конфликтности на стратегию и тактику взаимного приспособления требуют пересмотра исследовательской позиции. И О. Вендина формулирует исходные тезисы анализа и обоснование выбора городов в двух последующих подразделах, соответственно и озаглавленных. Исходных тезисов для анализа три:

1. Крупнейшие города — это в высшей степени динамичная среда, в которой процессы интеграции и дезинтеграции населения неразделимы и взаимозависимы, а сходства и

различия — производятся и воспроизводятся, причем значительное влияние на складывающуюся ситуацию оказывает власть.

2. Признание сложности социального устройства города, наличия множества разнородных сообществ, обладающих разным происхождением и опытом городской жизни. Возникновение новых групповых идентичностей не обязательно способствует вытеснению или «стиранию» старых, они сосуществуют, соперничают и смешиваются, отражая преемственность и культурные различия поколений. «В результате высококомобильные социальные среды, выдвигающие запрос на новые формы жизни и межкультурные коммуникации, тесно переплетены в городах с маломобильными (даже застойными), поддерживающими и консервирующими привычный порядок» [54].
3. Изучение причин не-возникновения конфликтов в городах и не-перерастания вербальной агрессии в физическую предполагает разграничение «конфликтов интересов» и «конфликтов ценностей». В первом случае, спорные вопросы могут обсуждаться на языке общепринятых норм, правил и процедур. Во втором — приверженность собственным взглядам и отказ признавать убеждения и моральные нормы других делают политический торг малопривлекательным. Главным инструментом снижения напряженности этнокультурных и межрелигиозных отношений становится толерантность. Наделение «другого» статусом равной политической субъектности превращает плюрализм ценностей из досадного препятствия на пути реализации поставленных целей в условие культурной продуктивности города и развития общества.

На характер межэтнических взаимодействий в городах влияют, по мнению О. Вендиной, во-первых, этнический состав населения, длительность опыта совместного проживания разных народов, распространенность практики межэтнических браков и совместной деятельности. Во-вторых, уровень развития институтов гражданского общества и гражданского сознания. В-третьих, лояльность государству и осознание своей национально-государственной идентичности. В-четвертых, близость к границам, «горячим точкам» или опыт участия в межэтнических конфликтах. В-пятых, «местный патриотизм».

Пример Перми дает возможность оценить, в какой мере наличие гражданского самосознания позволяет сглаживать этнополитическое и этносоциальное неравенство жителей. Кейс Ростова - влияние длительного опыта совместной жизни разных этносов, роль этнокультурных и социальных институтов, включая неформальные нормы и связи, в выстраивании межэтнического согласия, значение геополитических и этнополитических факторов для складывающихся отношений. Уфа же, где совместно проживает три крупных российских этноса: русские, татары и башкиры, по мнению О. Вендиной, позволяет говорить о роли этнокультурного плюрализма в выстраивании отношений между жителями города, разделяющими разные идентичности.

В Перми авторов больше интересовала социально-профессиональная дифференциация населения и ее проекция на межэтнические отношения; в Уфе — феномен этнокультурного плюрализма; в Ростове-на-Дону — влияние геополитической ситуации и наличие ресурсов преодоления дистанции, существующей между общегражданской и этногрупповыми идентичностями. Это наложило отпечаток на методологию качественных исследований, которая была специфицирована применительно к каждому из объектов

исследования. В Перми проводились фокус-группы с волонтерами и активистами, ориентированные на организацию социальных «сервисов», рабочими крупных промышленных предприятий, молодыми менеджерами. В Ростове – с русскими, армянами, казаками, представителями северокавказских диаспор. В Уфе – с русскими, татарами и башкирами.

Названия каждого из подразделов, посвященных анализу специфики города, отражают его отличительность, как она видится автору: *Пермь: философия жизни как фильтр восприятия действительности*, *Ростов-на-Дону: город как коалиция коалиций*, *Уфа: соперничество как способ поддержания межэтнического согласия*.

На ситуацию в Перми наложила отпечаток, во-первых, особая мифология города, базирующаяся на переселенческом нарративе (колонизация, волны притока интеллигенции в годы Первой и Второй мировых войн, тема ссылки), во-вторых, то, что «в индустриальной культуре Перми, все *этническое* воспринимается как *экзотическое* или фольклорно-сельское, принадлежащее доиндустриальной эпохе» [65].

По наблюдениям автора, в Перми, во-первых, выявились три разные философии жизни со своими базовыми принципами и отчетливая связь между ценностными установками людей, их восприятием возможности межэтнических конфликтов и выбираемой тактикой реагирования на конфликтные ситуации.

В разговорах «гражданских активистов» постоянно звучала тема сочувствия людям, а сами люди представлялись открытыми и расположенными к другим. Тема этнических различий между людьми, живущими в городе, для данной группы была второстепенной. Для «рабочих» же житель Перми — это просто пермяк, безотносительно этнической принадлежности. Главное — что он включен в городскую жизнь, знает соседей, общается с разными людьми. Городское сообщество Перми, с точки зрения рабочих, выглядит не слишком дифференцированным и скорее объединенным, нежели разьединенным. Автор констатирует: «Сочетание коллективистских и индивидуалистских установок «рабочих» подводит к мысли о неустойчивом конформизме их реагирования на рост этнокультурного разнообразия города» [72]. Для пермских «менеджеров» ключевым в определении межличностных и межгрупповых отношений была «конкуренция», понимаемая как борьба за выживание и доступ к ограниченным ресурсам. Городская идентичность крайне низка, а городская среда наделялась многочисленными негативными определениями.

Во-вторых, влияние общегражданской (национальной) идентичности как фактора социальной (надэтнической) интеграции ограничено не только чувством этнической принадлежности, но и мировоззрением людей, их восприятием положения страны, испытываемыми чувствами гордости, ответственности или стыда. «Рабочие», сохраняющие установки коллективизма, и «активисты», опирающиеся на гражданские ценности, вызывают в Перми уважение, чего не скажешь о «менеджерах». Высокая самооценка последних не совпадает с внешним восприятием их роли в социальной жизни.

В-третьих, немногочисленные этнокультурные группы в Перми не обладают большим социальным влиянием, но их политическая активность и идейный плюрализм

пермского общества позволяет лидерам этнокультурных сообществ мобилизовывать поддержку «несогласных» пермяков.

Принципиально иная ситуация в Ростове (подраздел *Ростов-на-Дону: город как коалиция коалиций*), где формируется плотная паутина персональных и межгрупповых связей, возникают патрон-клиентские сети и коалиции интересов, «свои» группы авторитетных людей. Есть в городе и место, где оформляются неформальные договоренности, это Левбердон (левый берег Дона) – «пространство, свободное от социальных запретов» [95].

Восприятие города различается у разных групп респондентов. Для «русских» город — это арена борьбы за выживание, которую усугубляют пыль, жара и коррупция. Для «армян» Ростов — это убежище, уютный дом, место, где живут друзья и близкие. Он, конечно, не свободен от криминала, но это прощительный порок. Для «казаков» Ростов — это прежде всего статус. Даже блатное «Ростов-папа» звучит в их интерпретации как достижение.

Насколько я понимаю позицию автора, в Ростове существуют прекрасные отношения между русскими и местными армянами, если и есть конфликтогенный потенциал — то между этой коалицией и казаками, а также с северокавказскими землячествами. (Автор выделяет также евреев, которые, учитывая их малочисленность, из реальных членов городского сообщества, влияющих на его жизнь, стали для армян, так же как и для русских, референтной группой, определяющей верхнюю планку достижительных мотиваций. Забегая вперед — аналогично оценивается роль евреев в социально-экономической жизни города и в Уфе).

Достаточно напряженная ситуация, традиционная для армяно-чеченских отношений, базируется на столкновении бизнес-интересов. Как отмечает автор, на групповых дискуссиях чеченцы дистанцировались ото всех, демонстрировали свою самодостаточность и особость и одновременно наличие сильного внутригруппового контроля.

Автор, констатируя сложность ростовского социума, множественность, смешение и переплетение идентичностей его жителей, приходит к следующим выводам. Во-первых, — отсутствие в городе межэтнических иерархий [96]. (Правда далее автор пишет, что участники каждой из фокус-групп декларировали собственное превосходство над «другими» в значимых для себя вопросах, одновременно признавая у них и наличие определенных достоинств. На мой взгляд, это не очень согласуется с тезисом об отсутствии межэтнических иерархий. К тому же в другом месте автор прямо пишет о наличии этнической иерархии в Ростове – [154]).

Во-вторых, «все разнообразие повседневных практик населения Ростова можно свести к нескольким моделям социальной организации, которые учитывают как формально установленные в обществе нормы, так и неформальные правила, принятые в каждой из групп. Сочетание формальных и неформальных институтов варьируется от группы к группе. Жители города хорошо ориентируются в различиях, существующих между разными системами правил и понятий, учитывают особенности их применения.

Благодаря этому разные группы приходят к определению сферы общих интересов и добровольно объединяются ради достижения поставленной цели. Такие временные межгрупповые союзы можно определить как коалиции коалиций» [109].

В-третьих, «ростовская идентичность формируется в двух смысловых оппозициях: одна связана с моральным отторжением столицы, а другая — с противостоянием внешнему миру (граница, цивилизационный разлом и пр.). Антимосковские и антизападные настроения являются фактором негативной мобилизации населения. Они влияют на внутреннюю жизнь города и используются как политический ресурс. Позитивная коллективная идентичность ростовского населения поддерживается идеей культурного плюрализма, присущего городу изначально и определяющего его уникальность. Она считается заданной «по определению» и не нуждающейся в дискурсивной поддержке, что превращает Ростов в «инкубатор» новых идентичностей, в том числе и противоречащих идеям культурного плюрализма» [115].

Опыт Ростова, по мнению автора, показывает, сколь значительную роль в регулировании этнополитических взаимодействий (межэтнических и межконфессиональных) играют неформальные коалиции и отношения, на которые опираются власти при принятии решений. Это означает необходимость при принятии управленческих решений ориентации на локальные сообщества и использование коалиционных техник управления.

И совершенно иная ситуация в Уфе (подраздел *Уфа: соперничество как способ поддержания межэтнического согласия*). Практика управления этнокультурным разнообразием, в Уфе иная, хотя в ее основе, как и в Ростове, также лежит принцип плюрализма. Но если в Ростове многообразие социальных порядков явилось следствием самоорганизации населения, а согласование их интересов — результатом формирования коалиций элитных групп, то в Уфе ключевая роль принадлежала государству, а не местным элитам, постоянно конкурировавшим и стремившимися утвердить свой приоритет.

О. Вендина формулирует три тезиса, характеризующих специфику управления культурным разнообразием в Уфе.

Во-первых, социальный симбиоз разных этнокультурных групп и идеал бесконфликтной городской жизни достигаются благодаря не только мировоззренческому консенсусу. Сопроотивление культурной унификации и гибридизации, противостояние попыткам установить культурное доминирование одной из групп обеспечивают *status quo* для всех жителей города.

Автор, на базе проведенных качественных исследований, разъясняет различия в восприятии своего места в социальном пространстве города представителями разных этнических групп. Оценки «русских» отличались философским спокойствием и ироничностью, они занимали позицию как бы включенного наблюдения. Этническая конкуренция воспринимается русскими исключительно как конкуренция башкир и татар: «Говоря об этнической конкуренции, русские говорили не о себе, а о башкирах и татарах». [135]. Башкиры видели причину возникающих противоречий и межэтнического соперничества в том, что «другие» сомневаются в праве башкир быть «хозяевами» на своей

земле, определять здесь социальные нормы и правила поведения. Высказывания «татар» отражали их положение как меньшинства — меньшинства в стране, меньшинства в республике и меньшинства среди татар. Они отчетливо разделяли башкирских и казанских татар, считали себя не «диаспорой» Татарстана, а коренными жителями региона.

Этнокультурная мозаичность региона, сохранность родоплеменных отношений, неоднократная ситуативная смена идентичностей, множественность продвигаемых проектов национального единства (русский, советский, российский, татарский, башкирский, болгарский, исламский и пр.), удерживают людей от искуса этнического национализма [137].

Межэтническое согласие достигается как благодаря поиску союзников и выстраиванию коалиций интересов, ограничивающих притязания наиболее влиятельных групп, так и рационализацией этничности, бросающей вызов традиционным общественным предписаниям и переводящей стрелки конфликта с межэтнического сценария на межпоколенческий или межличностный [139].

Второй тезис автора: «Не только приверженность общегражданской идентичности («россияне») жителей Уфы, но и незримое присутствие «третьей силы» в межгрупповых взаимодействиях позволяет избегать обострения межэтнических противоречий и удерживать равновесие интересов. Чаще других в этой роли выступают русские благодаря своей многочисленности и относительной индифферентности к проблеме этнического статуса» [140].

Значительное присутствие русских в городе рассматривалось как социально желательное и татарами, и башкирами. Это объясняется не только развитыми семейно-родственными или дружескими связями, но и предпочтительным социальным порядком и социальной организацией, которые связывается с русскими.

Третий тезис: наличие выраженной и устойчивой уфимской идентичности является важным фактором интеграции населения города. Она конструируется преимущественно на позитивных основаниях. Существенную роль играет гордость за свой город и признание культурного плюрализма в качестве ключевого достоинства Уфы [144].

Интересно наблюдение, что в условиях снижения мобилизационной роли экологических протестов на фоне нарастания социально-экономических проблем, невозможности консолидации общества на почве совместной истории и культуры и препятствования властей любым формам гражданской активности, на первый план в качестве консолидирующего фактора вышло пристрастие жителей Уфы к развлечениям: «Любые городские мероприятия, от Дня города до Дня ветеринара, собирают большое количество участников и являются эффективным средством объединения людей и коммуникации власти и населения». Это стало одним из механизмов «взаимной адаптации не только разных культур, но и разных людей через многочисленные контакты, имеющие позитивную эмоциональную окраску. Огромную роль в этом процессе играют развитые публичные пространства, всегда насыщенные городской жизнью» [148-149].

По мнению О. Вендиной, соперничество мировоззренческих установок приводит к тому, что традиционные и современные представления состыкуются в жизни людей. И в

политике управления культурным разнообразием необходимо использовать «пригодные» традиционные инструменты поддержания согласия в обществе, не противоречащие современным нормам. Кроме того, институциональный плюрализм приводит к тому, что ни один из акторов («агентов межэтнических взаимодействий») не обладает всей полнотой власти, чтобы обеспечить их регулирование. Основной задачей государства в этой ситуации становится поддержка сложившегося этнокультурного плюрализма, обеспечивающего формирование и переформирование коалиций интересов. [155].

В *Заключении* раздела формулируются «десять заповедей управления культурным разнообразием города». На мой вкус, называть их «заповедями» или «некоторыми правилами» не совсем уместно. Это рекомендации, благопожелания без четко обозначенного адресата, тогда как почти все библейские заповеди — а автор явно апеллирует к ним, — запреты, имеющие четкого адресата.

Завершая раздел, автор пишет: «Аналитическая очевидность невозможности «тотальной» интеграции мультикультурного города на принципах идеологического согласия и иерархии, предполагающей отведение каждому своего места, заставляет видеть в городе слабо интегрированное сообщество, состоящее из сообществ с более сильными идентичностями. Объединяет этот социум наличие, с одной стороны, гуманистических представлений о социальной справедливости и равенстве, а с другой — прагматичных индивидуальных заинтересованностей в жизни именно в этом месте. Такое сочетание составляет главный ресурс политики управления культурным разнообразием, поскольку позволяет выстраивать коалиции разных интересов, ориентируя их на достижение общих целей и признаваемых большинством населения идеалов» [169].

Автор не сводит межэтнические проблемы в городах к межгрупповым отношениям и взаимодействиям, а включает их, во-первых, в контекст городской жизни и, во-вторых, в систему властных отношений. Проблемы межэтнических отношений в городах, по ее мнению, связаны не исключительно с этническими различиями их жителей, но и с функционированием в рамках одного социума нескольких равноположенных социальных порядков (социально-нормативных моделей поведения, реализующихся в повседневной жизни), которые «структурируют поведение людей и определяют характер взаимодействия человека с окружающим миром» [97]. Конечно, было бы интересно проследить, как эти социальные порядки формируются в разных социально-территориальных средах города (центр, спальные районы, «плохие районы»), но, видимо, автор, будучи видным специалистом в этой области, в данной работе не ставил перед собой такую задачу.

Главное, что удалось продемонстрировать в настоящем разделе: российские города существенно различаются — вплоть до того, что различия между ними могут затмевать их сходство («Что ни город, то нор» — это давно подмечено). Социальная жизнь, организация социального пространства, структуры ценностей в каждом из них столь специфичны, что не могут не приниматься в расчет при проведении любой из политик (национальной, конфессиональной, миграционной, управления культурным разнообразием). Унификация политики имеет пределы, установленные общностью цели и задач, принципами, на которых она базируется. Но ее имплементация применительно к

конкретному объекту предполагает «штучность» политики, учет конкретики городского пространства и адаптацию к ней.

В Послесловии авторы приводят аргументацию и выводы, ранее оформившиеся в заключениях к каждому из разделов.

О сомнениях. Перенос акцента исследований проблем политики межнациональных отношений и механизмов ее реализации на уровень крупнейших городов и агломераций – безусловно, верный и важный аспект. Но я бы воздержался утверждать, что национальная политика, как она реализуется ныне, не уделяет внимания проблематике городов и городских агломераций [9] или, как еще более категорично сформулировано, «российская национальная политика... безразлична к проблемам городов» [10].

Во-первых, мониторинг межнациональных отношений – ключевой инструмент – политики, ведется как на региональном уровне, так и на уровне муниципальных образований. Во-вторых, ответственность за состояние межэтнических отношений вменена руководству органов местного самоуправления. (Авторы цитируют неведомого «известного эксперта», утверждающего, что: «У муниципалитетов ныне нет (а) полномочий, (б) возможностей и (в) интереса для регулирования межэтнических отношений» [44]. Это не так: полномочия есть, есть и интерес – ответственность за состояние межэтнических отношений. Нет возможностей? – Да когда это сдерживало федеральный центр? – Идеология, организация местного самоуправления в России и строятся на том, что компетенции имеются, но возможности их реализовать (финансовые ресурсы) – ограничены или вообще отсутствуют. Такое вот выморочное местное самоуправление).

В-третьих, в большинстве регионов имеются региональные программы гармонизации межнациональных отношений. И реализуются они, преимущественно в административном центре региона. Еще один аргумент авторов: из трех городов лишь в Перми была принята муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Перми», «выявить какие-либо следы реализации» которой авторам не удалось. (Хотя Пермская городская Дума регулярно публикует отчеты об исполнении бюджета города, в котором подробно расписано исполнение программы по ведомствам и административным районам города). Многое зависит от сложившейся системы управления регионом, взаимодействия региональных властей с органами муниципального управления, системы расселения. В Ростовской области, например, при отсутствии программы гармонизации межнациональных отношений в областном центре, приняты соответствующие программы (подпрограммы) в г. Новочеркасске и г. Шахты.

Иногда, в публицистическом запале, авторы – на мой взгляд, излишне, - увлекаются хлесткими, но спорными утверждениями. Например, в предисловии сказано: «"толерантность", установленная властью в одностороннем порядке» [4]. Какая власть? О каком периоде речь? – Если о 1990-х – согласен. О начале 2000-х – да. Позже – категорическое нет. Федеральная целевая программа толерантности (официальное название более пространно), рассчитанная на 2001-2005 годы, была закрыта в 2004 г. «в связи с исполнением» (!) Затем, почти на десятилетие, полное игнорирование

межнациональных вопросов федеральным центром, сбросившим ответственность за их состояние на регионы.

Насколько уместно сравнение и поиск различий между гражданской нацией и городским сообществом? В книге формулируются несколько аргументов в пользу такого подхода: 1. Нация — это обобщенное, воображаемое сообщество, в то время как городское общество куда более конкретное. 2. Национальное единство «перекрывает» большинство различий и разногласий, для того чтобы зафиксировать *базовые принципы*, такие как отношение общества к государству, представление о его границах, об отечественной истории, о месте государства и нации в мире. На уровне города гораздо больше противоречий, и они воспринимаются как норма. 3. Если для общества в целом создание условий для национального единства, в его базовых основаниях, выступает одной из важнейших предпосылок функционирования политической системы демократического типа, то городское сообщество не предполагает поиск общего консенсуса, это пространство локальных взаимодействий, диалогов и компромиссов.

По каждому из вышеназванных тезисов можно найти возражения: и городское сообщество в известной мере фантом, и противоречия между взглядами и интересами граждан не меньше, чем среди горожан, и не есть что-то экстраординарное², и городское сообщество нуждается в общем консенсусе относительно целей развития, инструментов их реализации.

Есть вопросы к структуре книги. Помимо Предисловия и Послесловия, в каждом разделе книги имеются собственное Введение и заключающая часть. При таком подходе повторов было сложно избежать.

Подведем итоги. Главное, на мой взгляд, что настоящая книга, меняющая ракурс исследований, построенных на новых методологических подходах, побуждает переосмыслить принципы и практики национальной политики на местах. Авторы убедительно аргументировали необходимость перенесения акцента на уровень агломераций (с чем я готов был согласиться и до прочтения книги). Продуктивна и «смена оптики исследования», перенос акцента с выявления степени конфликтности межнациональных отношений на поиск сложившихся механизмов предупреждения конфликтов и взаимного приспособления. Но еще им удалось растворить мой скепсис в отношении концепций «управления культурным разнообразием» и «интеркультурализма». Наконец, я получил эстетическое удовлетворение от проработанности методик исследования конкретных городских сообществ, интересных наблюдений и полученных авторами результатов.

Нельзя не отдать должное и гражданской позиции авторов. Прочитав последний абзац книги: «Города — важнейшие драйверы развития гражданской нации, но они и часть российской политической системы. Без перехода ее от нынешней сугубо этатистской «государство-центрической» парадигмы к «общество-центрической» потенциал городов

² Все-таки национальное согласие в базовых ценностях и целях развития не равнозначно отсутствию противоречий в их трактовке и, особенно, способах достижения.

как источника развития «горожанства» и гражданства (гражданской культуры, институтов гражданского общества и гражданской нации) не может быть использован в полной мере» [173]. По сути, это манифест строительства гражданской нации «снизу».

Так что - рекомендую. Не будете разочарованы.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина О., Э. Паин (2018). Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор. 184 с.

ETHNIC POLICY: A NEW PERSPECTIVE

REVIEW OF THE BOOK «A MULTI-ETHNIC CITY. PROBLEMS AND PROSPECTS OF CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT IN THE LARGE CITIES»

VLADIMIR MUKOMEL

The book, by famous authors, encourages a rethinking of the principles and practices of ethnic policy. The authors argue for the need to reorient ethnic policy to the level of agglomerations and large cities, where the challenges of cultural diversity erode urban identity, and to shift the focus from identifying the degree of conflict between ethnic relations to the search for existing mechanisms of conflict prevention. The example of the three largest Russian cities shows that the differences between them can overshadow their similarity. The social life, organization of social space and structure of values in each of them are so distinctive that they cannot be ignored when carrying out any policy (ethnic, religious, migration, cultural diversity management).

Key words: *ethnic policy, civil nation, civic culture, cultural diversity, cultural diversity management, identity.*

VLADIMIR MUKOMEL (mukomel@isras.ru), INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF THE FCTAS RAS, RUSSIA.

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2018.

REFERENCES

Vendina O., E. Pain (2018). *Mногоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах* [A multi-ethnic city. Problems and prospects of cultural diversity management in large cities]. Moscow: Sektor. 184 p.